

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-2-80-220–229

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ «НЕЛЕТАЛЬНОГО» ОРУЖИЯ В ТЕСИНСКОЕ ВРЕМЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕТРОГЛИФОВ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ)

О.С. Советова¹, Л.Н. Ермоленко²

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ E-mail: olgasovetova@yandex.ru ² E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru

¹ ORCID: 0000-0002-0733-8245 ² ORCID: 0000-0002-5483-3361

В статье анализируются наскальные композиции, в которых запечатлены своеобразные всадники с двузубыми «вилами» в руках, и ставится вопрос о возможном боевом их применении в тесинскую эпоху, которая стала временем глобальных перемен в Минусинской котловине. В реконструированной Е.А. Миклашевич по архивным материалам А.В. Адрианова наскальной композиции с Ленищенской писаницы, разрушенной к настоящему времени, запечатлена сцена охоты с применением таких своеобразных двузубых «вил» – традиционного сельскохозяйственного орудия труда. Е.А. Миклашевич высказывает предположение, что с таким видом оружия охотились (в данном случае на животных, видовое определение которых затруднительно). Авторами статьи ставится вопрос о возможном использовании последних как боевого оружия. Подобные всадники, входящие в отдельную самостоятельную группу, нередко представлены и в сценах батального характера, но с другим оружием либо без него. Но есть фигура всадника с такими «вилами» (Усть-Туба III) и антропоморфный персонаж, представленный стоящим с вертикально поставленными «вилами» в руке (Тепсей II), предназначение которых в этих композициях неочевидно. Анализ батальных композиций с памятников Минусинской котловины (Бычиха, Куня, Суханиха, Тепсей, Усть-Туба, Абакано-Перевоз, Сундуки и др.) позволяет сделать предположение, что если чеканы, топоры, копья, луки являлись оружием смерти (побежденные стоят перед противником на коленях, просят пощады, подняв руки, лежат в ожидании нанесения смертельного удара и т.д.), то «вилы» могли использоваться для нанесения несмертельных ран с целью последующего пленения противника (Абакано-Перевоз).

Ключевые слова: наскальное искусство, Минусинская котловина, тесинская эпоха, вооружение, батальные композиции, сцены охоты

Данные об авторах. Ольга Сергеевна Советова – доктор исторических наук, доцент, директор института истории и международных отношений, заведующий кафедрой археологии КемГУ; Любовь Николаевна Ермоленко – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии КемГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-28-00974.

Несмотря на относительную изученность истории хунну – создателей первой кочевой империи, сыгравшей огромную роль в судьбах народов Евразии, о событиях, происходивших в северных владениях хунну, известно немного. Одно из таких владений, созданное во II в. до н.э., стало крупным этносоциальным объединением, существовавшим на территории Южной Сибири в Минусинской котловине. Так называемое переходное тагаро-таштыкское время (последние века до н.э. – первые века н.э.) – один из драматических периодов в истории края, когда разрушались сложившиеся веками устои социально-экономической и культурной жизни из-за вторжения новых групп людей, перемещавшихся сюда далеко не всегда с мирными целями.

ТЕСИНСКИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПЛАСТ СО СЦЕНАМИ БАТАЛИЙ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Пожалуй, основным источником знаний об этом времени являются археологические материалы: прежде всего происходящие из так называемых грунтовых (или тесинских) могильников, поскольку именно в них наиболее ярко отражены инновации, связанные с распространением хуннских традиций на Север¹. Другим видом источников являются наскальные изображения, которые представлены несколькими самостоятельными стилистическими группами², в которых отобразились сложные изменения, происходившие в тесинскую эпоху. В одном из крупных пластов изображений отчетливо проявляется смена тагарской изобразительной традиции таштыкской (петроглифы Тепсея, Куни, Суханихи, Полосатой, Кавказской писаницы, Абакано-Перевоза и др.). Композиции изобилуют эпизодами батальных сцен (Куня, Суханиха, Тепсей, Четвертый Сундук, Абакано-Перевоз, Кавказская, Полосатая и др.), в том числе поединков. Нередко один из участников таких поединков оказывается в униженном положении: обездвиженным из-за примененного по отношению к нему противником приема захвата волос (рис. 1, 1, 3, 7, 8в), стоящим перед победителем на коленях (рис. 1, 1, 2, б) или ожидающим удара врага, занесшего над поверженным оружие убийства (рис. 1, 3) (Куня, Тепсей, Суханиха, Абакано-Перевоз и др.). На одной из плоскостей горы Полосатой изображены всадник и перед ним коленопреклоненный человек с воздетыми руками³. Подобная композиция имеется на Кавказской писанице⁴. Насчитывается множество батальных сцен с участием всадников (Потрошилово, Усть-Туба, Тепсей, Полосатая и др.), известны сцены пленения (Абакано-Перевоз) (рис. 1, 8, 8а), а также множество сцен сражений с участием пеших воинов, вооруженных луками, чеканами, булавами (рис. 1, 4–8), копьями, возможно, кистенями⁵ и др. Нередко убитые воины изображены перевернутыми⁶ (рис. 1, 8).

Этот мощный изобразительный пласт отчетливо прослеживается на многих памятниках наскального искусства Минусинской котловины. Причем поражает

¹ Савинов 2009, 3.

² Миклашевич 2004; Панкова 2004; Советова 2004, 2014.

³ Панкова 2005, ил. 5.

⁴ Леонтьев, Боковенко 1985, рис. 3.

⁵ Панкова 2005.

⁶ Панкова 2005, рис. 4.

Рис. 1. Тема баталий в наскальном искусстве Минусинской котловины. 1–3 – Куня (прорисовки Е.А. Миклашевич); 4 – Суханиха; 5 – Четвертый сундук (фото Е.Г. Дэвлет); 6 – Тепсей (по: Советова и др. 2021, рис. 330); 7–9 – Абакано-Перевоз (по: Русакова 2022, рис. 19)
 Fig. 1. The battle motif in the rock art of the Minusinsk Basin. 1–3 – Kunya (tracings by E.A. Miklashevich); 4 – Sukhanikha; 5 – Sunduk IV (photos by E.G. Devlet); 6 – Tepsey (after Sovietova et al. 2021, fig. 330); 7–9 – Abakano-Perevoz (after Rusakova 2022, fig. 19)

разнообразие эпизодов, в которых помимо перечисленных выше изображены персонажи с предметами, никогда не встречающимися в захоронениях: например, воины на лыжах и с луками (Четвертый Сундук, Шалаболино и др.) (рис. 1, 5), воины с большими, почти в рост человека, прямоугольными щитами, копьями и др. (Суханиха)⁷. По мнению А.И. Соловьева, тагарские и позднетагарские воины облачались в доспехи, до нас не дошедшие (Суханиха)⁸. Согласно этому же автору, тагарцы дольше других сдерживали проникновение воинственных племен хуннского союза из глубин Центральной Азии, обладая тактикой военного противостояния пехотинцев, всадников и лыжников лавине кочевой кавалерии⁹.

Сцены с всадниками, вооруженными вилообразным оружием

Возможно, изображенные на скалах Среднего Енисея всадники на особых конях и с акцентированными в одежде шароварами и специфическими головными уборами (Льнищенская писаница, Потрошиловская, Усть-Туба, Тепсей II и др. памятники)¹⁰ представляли кавалерию неприятеля, ведущую сражения с местным населением. В этой связи интересно рассмотреть необычный предмет вооружения, который запечатлен в сценах на таких местонахождениях, как Льнищенская писаница¹¹, Усть-Туба III¹² и в логоу горы Тепсей¹³ (рис. 2). Этот предмет имеет вид «развилины», ввиду чего его можно назвать «вилами». Ситуативное использование таких «вил» отображено только в одной сцене охоты на Льнищенской писанице. В привычном (бытовом) понимании вилы являются сельскохозяйственным инструментом, но, судя по всему, они могли превращаться в грозное оружие¹⁴. Е.А. Миклашевич называет это оружие «рогатинами», очевидно по аналогии с рогаткой (но как таковая рогатина – это совсем другой вид оружия, представляющий собой тяжелое копьё с мощным обоюдоострым наконечником, по сути, кинжал, насаженный на древко), или характеризует его как «предмет, напоминающий пику с боковым отростком-острием»¹⁵. По мнению исследовательницы, такое оружие использовалось главным образом на охоте. Она приводит цитаты из описаний И.Т. Савенкова: «...с каким-то странным оружием, копьё с какой-то вилкою», в другом случае – «вилчатое оружие (не копьё)», с которым охотились на ланей или иных животных¹⁶. Е.А. Миклашевич отметила, что пока ей не удалось подо-

⁷ Соловьев 2003, 80.

⁸ Соловьев 2003, 80.

⁹ Соловьев 2003, 85.

¹⁰ Миклашевич 2012, табл. I, II и др.

¹¹ Миклашевич 2012, рис. 6.

¹² Миклашевич 2012, табл. I, 1, 2.

¹³ Советова и др. 2021, рис. 94.

¹⁴ О том, что этот вид оружия был довольно популярен у местного населения на протяжении длительного времени, свидетельствует тот факт, что в наскальном искусстве встречаются отдельные знаки в виде вил, относящиеся к средневековью, а возможно, и к более позднему времени. Такой знак зафиксирован, например, в пункте Усть-Туба III (по Я.А. Шеру) (Blednova et al. 1995, pl. 50, 30/2), на местонахождении Городовая стена (Мухарева 2016). В работе И.Т. Савенкова приведена таблица с аналогичными знаками, которую он назвал «знамена (тавры)» с пометкой «Потрошилово» (Савенков 1910, табл. VIII).

¹⁵ Миклашевич 2012, 28, 43.

¹⁶ Миклашевич 2012, 28, рис. 2, 3, 12, табл. I, 1, 2.

брать предметных аналогий этому атрибуту, «но поиск следует продолжить, как в археологических, так и в этнографических материалах»¹⁷.

В целом соглашаясь с исследовательницей в вопросе сферы применения рассматриваемого предмета, все же выразим сомнение в том, что вилы могли применяться исключительно на охоте. Начнем с того, что не все из сцен, приведенные ею, связаны с темой охоты, несмотря на однотипность фигур и относительное сходство композиционного построения. На Лънищенской писанице это, несомненно, сцена охоты, и «вилобразные» предметы используются в данном случае как охотничье оружие¹⁸. Но в сценах на Потрошиловской писанице, Усть-Тубе III, Волчьем логу (рис. 2, 3, 4) объекты охоты, то есть какие-либо животные, не представлены, а поэтому с уверенностью полагать, что всадники с вилобразными предметами всегда являются маркерами сцен охоты, скорее всего, некорректно, поскольку это оружие могло иметь и другое назначение, в частности, батальное. Справедливости ради отметим, что противники в перечисленных сценах также отсутствуют, за исключением сцены с Потрошиловской писаницы, в которой в одном эпизоде явно батального характера представлены аналогичные всадники и пеший воин с занесенным чеканом или топором в руке, а ниже, в другом эпизоде, запечатлены два противостоящих всадника, также входящие в рассматриваемую серию (у одного из них за спиной горит)¹⁹. Явно батальный характер имеет и сцена с Усть-Тубы III, в которой всадники также изображены с горитами за спиной²⁰. Эта сцена скорее всего неоднократно подновлялась, судя по характерным маленьким фигуркам бегущих лучников, преследующих всадников, и выполненных в другом стиле крупных персонажей, один из которых держит в руках предмет типа посоха, другой – лук и топор (?).

Поэтому можно предположить, что «вилобразные» предметы могли использоваться не только на охоте или на рыбалке (у многих народов гарпуны или остроги использовались как средство для ловли рыбы, в том числе во время подледного лова), но и, возможно, как боевое оружие. Любопытно, что все сцены с всадниками из рассматриваемой серии, среди которых имеются вооруженные «вилобразными» предметами, локализованы на одном участке – ограниченном горой Моисеихой вместе с внутренним логом, до горы Тепсей, включая и ее внутренние лога.

Следует отметить, что, как правило, в сценах баталий и охоты воспроизведено оружие, способное причинить тяжелое ранение или убить человека/животное: чеканы, топоры, булавы, луки со стрелами, ножи, копья и т.д. Но «боевые вилы», скорее всего, вряд ли представляли собой смертельное оружие и, скорее всего, применялись не столько для убийства человека или животного, вероятно с целью сохранения его жизни и относительной невредимости добычи.

Следует отметить, что боевые «вилы» известны и по другим изобразительным памятникам. Самые ранние их изображения датируются эпохой бронзы и зафиксированы среди петроглифов Арпаузена (Казахстан). А.Е. Рогожинский опубликовал сцену, в которой антропоморфный персонаж в одной руке держит жезл/посох, а в другой – «вилобразный предмет» / «гарпун». Исследователь отмеча-

¹⁷ Миклашевич 2012, 46.

¹⁸ Миклашевич 2012, рис. 6.

¹⁹ Миклашевич 2012, табл. II, 5.

²⁰ Миклашевич 2012, табл. I, 8.

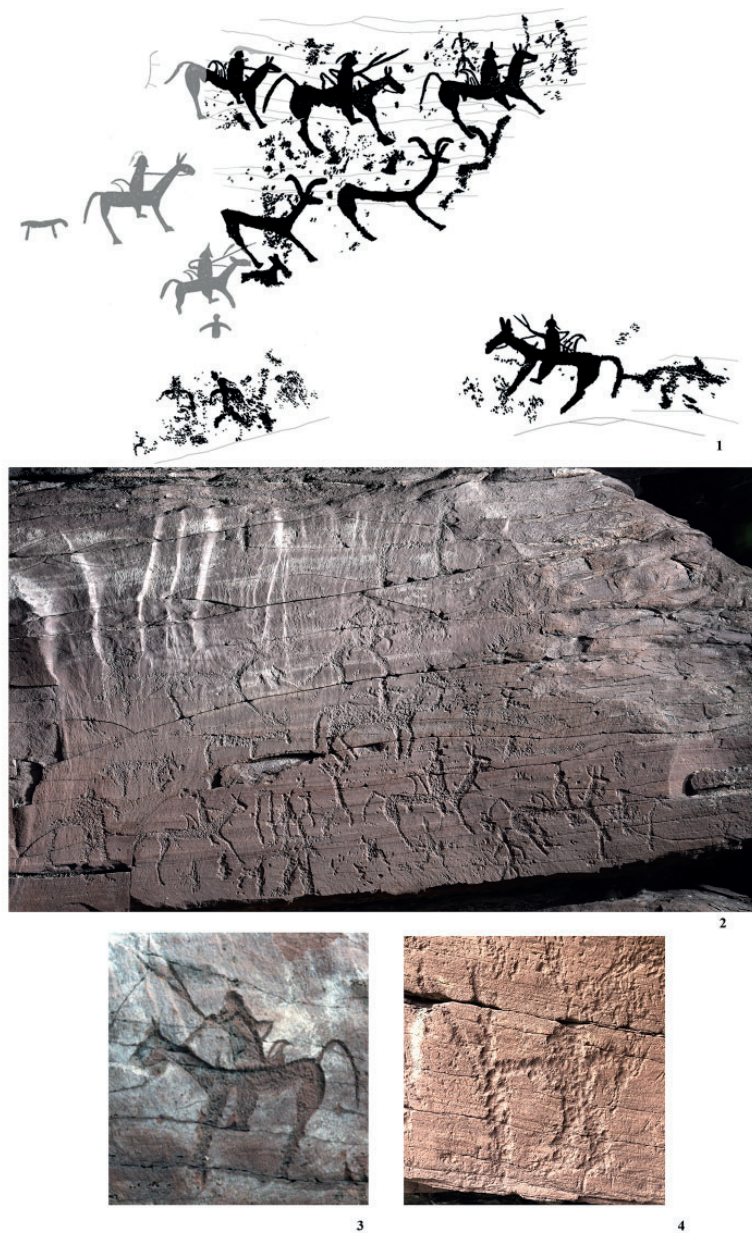

Рис. 2. Сцены с всадниками, в том числе с «вилами», и антропоморфный персонаж с вертикально поставленным «вилобразным» предметом. 1 – Лньищенская писаница (по: Миклашевич 2012, рис. 6); 2 – Усть-Туба V (фото И.А. Аболонковой); 3 – Усть-Туба III (фото И.А. Аболонковой); 4 – Волчий лог (по: Советова и др. 2021, рис. 385)

Fig. 2. Scenes with horsemen, including those with “forks”, and the anthropomorphic figure standing with a vertically positioned “fork”. 1 – Lnishchenskaya rock art site (after Miklashevich 2012, fig. 6); 2 – Ust-Tuba V (photo by I.A. Abolonkova); 3 – Ust-Tuba III (photo by I.A. Abolonkova); 4 – Volchy Log (after Sovetova et al. 2021, fig. 385)

ет, что находки вилообразных орудий (гарпунов) известны в Уре времен Джемдет Наср, на Кавказе, в вещественных материалах из разграбленных могил эпохи бронзы на севере Афганистана, а также в виде миниатюрных моделей из могильников поздних этапов культуры Сапалли в Северной Бактрии²¹.

Боевые «вилы» были одним из древнейших видов традиционного оружия, появившимся на Востоке. Их родиной, возможно, была Месопотамия, откуда это оружие впоследствии распространилось в Малую Азию, Сирию, Египет, Иран и Закавказье. Этот вид оружия правильнее называть «боевым ухватом/вилами» или «двузубыми вилами», имеющими довольно широкий спектр применения. Из истории известно использование так называемых боевых ухватов, представляющих собой разновидность древкового оружия. Наконечник «боевого ухвата» по форме напоминает обычный ухват, своего рода рогатку. Очень важно отметить, что боевые ухваты все же не были смертельным оружием, и предназначались они лишь для того, чтобы захватить и удержать противника. Ими можно было выбить всадника из седла, обезоружить его, прижав к земле, и т.д. Причем концы у таких «вил» не обязательно были острыми, поэтому могли не подходить для нанесения колющих ударов. В России цельнодеревянные боевые ухваты были на вооружении народного ополчения, о чем наглядно свидетельствует одно из полотен художника XIX в. И.М. Прянишникова «В 1812 году», на котором запечатлен эпизод бегства французской армии: в руках старика-конвоира показаны такие деревянные вилы²². В качестве оружия вилы использовались главным образом для захвата неприятеля в плен: зубья, как считается, приставляли к шее или спине врага и тем самым контролировали его во время конвоирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, напрашивается вывод о том, что применение вилообразного оружия не являлось «летальным», особенно – выполненного из дерева. Его можно было использовать для того, чтобы сохранить жизнь противника, при необходимости подлечив от несмертельных ран, если это требовалось: например, когда за пленных можно было требовать выкуп, продать в рабство. Этот вывод согласуется с датировкой анализируемых наскальных сцен, которые, по мнению большинства исследователей, относятся к тесинскому времени – времени глобальных перемен в Минусинской котловине. Сцены, в которых противника не убивают, а, вероятно, намереваются взять в плен, известны в наскальном искусстве Минусинской котловины. В качестве примера можно привести эпизоды, описанные выше, в которых побежденный стоит на коленях перед противником или молит о пощаде, подняв вверх руки, но еще убедительней представляется сцена на скалах Абакано-Перевоза, где запечатлено этапирование пленных, связанных друг с другом веревкой (?)²³ (рис. 1, 8, 8а). Все это свидетельствует о том, что иногда перед воюющими стояла задача пленения противников, а не полного их истребления. Судя по тому, что с вилообразными предметами изображены, на наш взгляд, иноземцы, – скорее всего, в качестве «добычи» могло выступать местное население.

²¹ Рогожинский 2011, 93, рис. 20.

²² Моя Третьяковка [Электронный ресурс].

²³ Русакова 2022, рис. 19, 3.

ЛИТЕРАТУРА

- Леонтьев, Н.В., Боковенко, Н.А. 1985: Кавказская писаница на Тубе. *КСИА* 184, 82–88.
- Миклашевич, Е.А. 2004: «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины). В сб.: Д.Г. Савинов (отв. ред.), *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции*. СПб., 320–325.
- Миклашевич, Е.А. 2012: Лънищенская писаница. В сб.: Е.А. Миклашевич (сост.), *Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лънищенская, Улазы III, Сосниха* (Тр. САИПИ X). Кемерово, 28–56.
- Моя Третьяковка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/21889>
- Мухарева, А.Н. 2016: Писаница на утесе Городовая стена: история изучения и современное состояние. В сб.: В.В. Бобров (ред.), *Археологическое наследие Сибири и центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения)*. Кемерово, 144–148.
- Панкова, С.В. 2004: Новые памятники наскального искусства из Южной Сибири. В сб.: *Археологические экспедиции за 2003 год. Сб. докладов*. СПб., 36–47.
- Панкова, С.В. 2005: Изображения посттагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края. В сб.: *Археологические экспедиции за 2004 год. Сб. докладов*. СПб., 74–84.
- Рогожинский, А.Е. 2011: Удостоверительные знаки-тамги кочевников Нового времени и средневековья в горных ландшафтах Семиречья, Южного и Восточного Казахстана. В сб.: Л.Н. Ермоленко, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич, А.Н. Мухарева, А.Е. Рогожинский, В.Ф. Чирков (сост.), *Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию открытия Томской писаницы). Материалы международной научной конференции 2*. Кемерово, 217–225.
- Русакова, И.Д. 2022: Петроглифы восточной части Боярского хребта в Хакасии (местонахождения Абакано-Перевоз II, II A, III, IV). *УЗМЗТП* 16, 43–76.
- Савенков, И.Т. 1910: *О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее: сравнительные археолого-этнографические очерки*. М.
- Савинов, Д.Г. 2009: *Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.)*. СПб.
- Соловьев, А.И. 2003: *Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья*. Новосибирск.
- Советова, О.С. 2004: Изобразительные «стандарты» – эпические метафоры? В сб.: Д.Г. Савинов (отв. ред.), *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции*. СПб., 300–304.
- Советова, О.С. 2014: Тесинские рисунки на Тепсее. В сб.: *Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции*. Новосибирск, 95–97.
- Советова, О.С., Шишкина, О.О., Аболонкова, И.В. 2021: *Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона*. Кемерово.
- Blednova, N., Francfort, H.-P., Legchilo, N, Martin, L., Sacchi, D., Sher, J., Smirnov, D., Soleilhavoup, F., Vidal, P. 1995: *Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie)*. Paris.

REFERENCES

- Blednova, N., Francfort, H.-R., Legchilo, N., Martin, N., Sacchi, D., Sher, J., Smirnov, D., Soleilhavoup, F., Vidal, P. 1995: *Repertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale, Fascicule No. 2: Sibérie du sud 2: Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie)*. Paris.

- Leontyev, N.V., Bokovenko, N.A. 1985: Kavkazskaya pisanitsa na Tube [Caucasian petroglyphs on Tube]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 184, 82–88.
- Miklashevich, E.A. 2004: “Plemya edinoroga” na Enisee (syan’beyskie motivy v naskal’nom iskusstve Minusinskoy kotloviny) [“The Tribe of the Unicorn” on the Yenisei (Xianbei motifs in the rock art of the Minusinsk Basin)]. In: *Izobrazitel’nye pamyatniki: stil’, epokha, kompozitsii. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii* [Monuments of Visual Art: Style, Epoch, Compositions. Proceedings of the Thematic Scientific Conference]. Saint Petersburg, 320–325.
- Miklashevich, E.A. 2012: L’nishchenskaya pisanitsa [Lnishchenskaya pisanitsa]. In: E.A. Miklashevich (ed.), *Pamyatniki naskal’nogo iskusstva Minusinskoy kotloviny: Georgievskaya, L’nishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha* [Rock Art Sites of the Minusinsk Basin: Georgievskaya, Lnishchenskaya, Ulazy III, Sosnikha] (Trudy Sibirskoy Assotsiatsii issledovatelyey pervobytnogo iskusstva [Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers] X). Kemerovo, 28–56.
- Moya Tret’yakovka [My Tretyakov Gallery], <https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/21889>
- Mukhareva, A.N. 2016: Pisanitsa na utyese Gorodovaya stena: istoriya izucheniya i sovremennoe sostoyanie [Rock art site on Gorodovaya stena cliff: history of studying and its current state]. In: V.V. Bobrov (ed.), *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i tsentral’noy Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya)* [Archaeological heritage of Siberia and Central Asia (problems of interpretation and preservation)]. Kemerovo, 144–148.
- Pankova, S.V. 2004: Novye pamyatniki naskal’nogo iskusstva iz Yuzhnoy Sibiri [New rock art sites from Southern Siberia]. In: *Arkheologicheskie ekspeditsii za 2003 god. Sbornik dokladov* [Archaeological Expeditions of 2003. Papers]. Saint Petersburg, 36–47.
- Pankova, S.V. 2005: Izobrazheniya posttagarskogo i tashtykskogo vremeni na skalakh Minusinskogo kraya [Images of post-Tagar and Tashtyk times on the rocks of the Minusinsk region]. In: *Arkheologicheskie ekspeditsii za 2004 god. Sbornik dokladov* [Archaeological Expeditions of 2004. Papers]. Saint Petersburg, 74–84.
- Rogozhinskiy, A.E. 2011: Udostoveritel’nye znaki-tamgi kochevnikov Novogo vremeni i srednevekov’ya v gornykh landshaftakh Semirech’ya, Yuzhnogo i Vostochnogo Kazakhstana [Identification signs-tamgas of nomads of the New Age and the Middle Ages in the mountain landscapes of Semirechye, South and East Kazakhstan]. In: *Naskal’noe iskusstvo v sovremennom obshchestve (k 290-letiyu otkrytiya Tomskoy pisanitsy). Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Rock Art in Modern Society (to the 290th Anniversary of the Discovery of the Tomsk Petroglyph). Proceedings of the international scientific conference] 2. Kemerovo, 217–225.
- Rusakova, I.D. 2022: Petroglify vostochnoy chasti Boyarskogo khrebta v Khakasii (mestonahozhdeniya Abakano-perevoz II, II A, III, IV) [Petroglyphs in the eastern part of the Boyary ridge in Khakassia (locations of Abakano-perevoz II, II A, III, IV)]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika “Tomskaya pisanitsa”* [Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomskaya Pisanitsa”], 16, 43–76.
- Savenkov, I.T. 1910: *O drevnikh pamyatnikakh izobrazitel’nogo iskusstva na Enisee: sravnitel’nye arkheologo-etnograficheskie ocherki* [Ancient Sites of Fine Art on the Yenisei: Comparative Archaeological and Ethnographic Essays]. Moscow.
- Savinov, D.G.: 2009. *Minusinskaya provinciya Hunnu (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 1984–1989 gg.)* [Minusinsk Province of the Xiongnu (Based on Materials from Archaeological Research in 1984–1989)]. Saint Petersburg.
- Solovyev, A.I. 2003: *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov’ya* [Weapons and Armor. Siberian weapons: from the Stone Age to the Middle Ages]. Novosibirsk.

- Sovetova, O.S. 2014: Tesinskie risunki na Tepsee [Tes culture drawings on Tepsey]. In: *Arkhaischeskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoy i khudozhestvennoy interpretatsii: materialy Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii* [Archaic and Traditional Art: Problems of Scientific and Artistic Interpretation: Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Scientific Conference]. Novosibirsk, 95–97.
- Sovetova, O.S. 2004: Izobrazitel'nye "standarty" – epicheskie metafory? [Pictorial "standards" – epic metaphors?]. In: *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', epokha, kompozitsii. Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii* [Monuments of Visual Art: Style, Epoch, Compositions. Proceedings of the Thematic Scientific Conference]. Saint Petersburg, 300–304.
- Sovetova, O.S., Shishkina, O.O., Abolonkova, I.V. 2021: *Naskal'noe iskusstvo Tepseyskogo arkheologicheskogo mikrorayona* [Rock Art of the Tepsey Archaeological Microdistrict]. Kemerovo.

ON THE POSSIBLE USE OF “NON-LETHAL” WEAPONS DURING THE TES STAGE OF THE TAGAR CULTURE (BASED ON THE MATERIALS OF THE PETROGLYPHS OF THE MINUSINSK BASIN)

Olga S. Sovetova¹, Lyubov N. Ermolenko²

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

¹ E-mail: olgasovetova@yandex.ru

² E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru

Acknowledgements: Russian Scientific Foundation, project no. 23-28-00974

The article analyzes rock art compositions depicting peculiar horsemen with two-pronged “forks” in their hands, and raises the question of their possible use as fighting weapons during the Tes stage of the Tagar culture, which was a time of global changes in the Minusinsk Basin. A composition from the destroyed Lnishchenskaya rock art site, which was reconstructed by E.A. Miklashevich using A.V. Adrianov’s archive materials, shows a scene of hunting with such peculiar two-pronged “forks” – a traditional agricultural tool. E.A. Miklashevich suggested that that they were used as hunting weapons (in chase of some animals, which can hardly be defined and specified). The authors of this article raise the question whether these “forks” could be used as battle weapons. Similar horsemen form a separate independent group, and can be found on other sites: in battle scenes holding some other weapons or without weapons. Yet, the figure of a horsemen with a similar “fork” was found at Ust-Tuba III, and an anthropomorphic figure standing with a vertically positioned “fork” in his hand was discovered at Tepsei II; in both cases the purpose and the usage of “forks” is not obvious. The analysis of the battle scenes from the sites of the Minusinsk Basin (Bychikha, Kunya, Sukhanikha, Tepsey, Ust-Tuba, Abakano-Perevoz, Sunduki, etc.) allows making the assumption that while other types of battle weapons such as hammers, axes, spears, and bows were weapons of death (the vanquished kneeling in front of the enemy, asking for mercy, raising their hands, lying in anticipation of a fatal blow, etc.), the “forks” could be used to inflict non-fatal wounds with the aim of capturing rather than killing the enemy (Abakano-Perevoz).

Keywords: rock art, Minusinsk Basin, Tes stage, weapons, battle scenes, hunting scenes